

УДК 323.3

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-59-68>

Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян

Т. Б. Рябова^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Татьяна Борисовна Рябова,
SPIN-код: 4870-4514,
ResearcherID: E-2558-2016,
Scopus Author ID: 56114917500,
ORCID: 0000-0001-5270-7911,
e-mail: riabova2001@inbox.ru

Для цитирования:

Рябова, Т. Б.
(2021) Возраст власти?
«Воображаемые поколения»
и доверие к политикам
в социальных представлениях
современных россиян.
*Комплексные исследования
детства*, т. 3, № 1, с. 59–68.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-59-68>

Получена 22 января 2021; прошла
рецензирование 23 января 2021;
принята 25 января 2021.

Финансирование: Исследование
выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ
в рамках научного проекта
№ 20-011-31716.

Права: © Автор (2021).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье, основанной на анализе результатов социологического исследования в трех российских регионах (2020), анализируется уровень доверия к политикам разного возраста представителей различных поколений. Показано, что возрастной фактор служит одним из ресурсов власти; он оказывает влияние на политические интересы, политические предпочтения, политическое участие. Анализ проведенных интервью показал, что возраст политика является важным фактором, влияющим на уровень доверия к нему / к ней. Информанты оценивают преимущества, которые дает политикам их принадлежность к различным возрастным группам, наделяя их в различной степени характеристиками, являющимися атрибутами власти.

В подавляющем большинстве приоритет отдается возрасту зрелости с его объективностью, ответственностью, трезвым взглядом на вещи, способностью договариваться, работой на результат и т. д. Степень доверия к молодым политикам, и еще в большей степени — к политикам «старшего» возраста, значительно ниже. Фактор возраста включается в оценки участвующих в политическом процессе различных поколений. Исследование показало невысокий уровень доверия между молодежью и старшим поколением.

Мнение россиян практически не зависело от их пола и образования. Важнейшим фактором, дифференцирующим взгляды, выступил возраст. Молодежь, в том числе и несовершеннолетние, в большинстве своем демонстрирует недоверие к «возрастным» политикам, полагая, что старшее поколение утрачивает способность адекватно реагировать на происходящие изменения.

Ключевые слова: возраст и власть, политология возраста, социальные представления, доверие к политикам, возрастные стереотипы.

The “age of power”: The imagined generations and the trust to politicians in the contemporary Russians’ social views

T. B. Riabova✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Tatiana B. Riabova,
SPIN: 4870-4514,
ResearcherID: E-2558-2016,
Scopus Author ID: 56114917500,
ORCID: 0000-0001-5270-7911,
e-mail: riabova2001@inbox.ru

For citation:

Riabova, T. B.
(2021) The “age of power”:
The imagined generations
and the trust to politicians
in the contemporary Russians’ social
views. *Comprehensive Child Studies*,
vol. 3, no. 1, pp. 59–68.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-1-59-68>

Received 22 January 2021;
reviewed 23 January 2021;
accepted 25 January 2021.

Funding: This research was
supported by the Russian
Foundation for Basic Research
(RFBR) and the Expert Institute
for Social Research (EISI),
Research Project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The article analyzes the level of trust to politicians of various age exhibited by respondents belonging to different generations. The study is based on the results of interviews conducted in three regions of Russia in 2020. The author points out that the age factor serves as one of the resources of power and influences political interests, political preferences and political participation. The study shows that the age of a politician is an important factor which has an impact on the level of trust to him/her. The respondents evaluate the advantages which are enjoyed by politicians who belong to various age groups. The respondents also consider politicians to possess, to a various degree, the qualities which constitute attributes of power.

The mature age is mostly attributed such characteristics of power as objectivity, responsibility, rationality, ability to negotiate, goal-oriented approach, etc. The level of trust to the young politicians and, to an even greater degree, to the “elderly” ones is lower. The respondents refer to age when evaluating politicians belonging to various generations. The research demonstrates a lack of trust between young and elderly people.

The most important factor which differentiates the attitudes of respondents is their age. Young people, including minors, mostly demonstrate a lack of trust to elderly politicians and believe that such politicians lose touch with reality.

Keywords: age and power, the age issues in political sciences, social views, the trust to politicians, the age stereotypes.

Введение

Исследование возраста — комплексная проблема, требующая привлечения усилий самых различных наук, включая социологию, психологию, педагогику, культурологию, демографию, биологию и др. Мы хотели бы обратить внимание на то, что изучение возрастных различий, в том числе исследования детства, является одной из задач также и политической науки.

В последнее время политизация возрастных различий становится особенно заметной; в частности, апелляции к возрасту политических акторов и их сторонников играют важную роль в качестве аргумента в политической риторике. В российской политике это обуславливается еще и активным участием несовершеннолетних в протестной деятельности, что интенсифицирует вовлечение в политический дискурс обменов, связанных с возрастом.

В настоящей статье мы бы хотели остановиться на одном из вопросов, связанных с политизацией возраста, а именно на социальных представлениях о зависимости доверия к политикам от их принадлежности к тому или иному поколению.

Материалами для исследования будут служить данные интервью, осуществленного в рамках проекта РФФИ и АНО ЭИСИ «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (Т. Б. Рябова, Е. В. Панкратова, У. К. Мутаев). Исследование проводилось в форме нестандартизированных интервью в городах, различающихся размером, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции, этнокультурными особенностями (N = 42, осень 2020 г., Санкт-Петербург, Махачкала, Иваново). Информанты дифференцировались по полу, возрасту

(«14–17 лет», «18–34 года», «35–54 года», «старше 55 лет») и политическим предпочтениям (лоялисты / сторонники действующей власти, сторонники левых сил / приверженцы коммунистической и социалистической идеологии, политически индифферентные граждане и сторонники либеральной идеологии (в том числе сторонники А. Навального)).¹

Мы ставим целью ответить на следующие вопросы. Как возраст политика влияет на доверие к нему? В чем политики из различных поколений, по мнению россиян, превосходят друг друга, а в чем уступают? Как можно оценить уровень доверия друг к другу в политической сфере различных поколений россиян? Наконец, влияет ли на мнение информантов по этим вопросам их пол, возраст и политические предпочтения? Но вначале остановимся на методологических вопросах анализа политизации возраста.

Методологические аспекты проблемы (к вопросу о политологии возраста)

Поскольку конструктивистское понимание возраста подчеркивает социально детерминированный, изменчивый, контекстуально обусловленный характер представлений о возрасте, то релевантным политике выступают не столько реальные, сколько «воображаемые» поколения (о подходах к интерпретации поколений см.: Глов 2004, о воображаемых поколениях см.: Дубин 2002). Объективные различия, которые лежат в основе социальных границ между поколениями, в политике могут преувеличиваться или преуменьшаться. Критерием выделения поколений в этом случае служит воображаемый возраст. Для оценки политических акторов в политике используются обычно характеристики трех условных поколений, маркеры которых в разной мере соотносятся с критериями власти: 1) взрослость; 2) детство; 3) старость. В поколенческом дискурсе значение поколений создается и пересоздается политическими акторами в зависимости от их политических целей. «Немощные старики» и «неразумные дети», таким образом, являются «воображаемой» реальностью. Однако, будучи включенными в репрезентации политических акторов и политических процессов в поколенческом дискурсе, эти маркеры влияют на политическую реальность.²

¹ Благодарим за работу с информантами Л. А. Клещенко, Е. А. Пашковского, С. В. Смалья, Ю. Н. Фролову.

² Акцентирование возрастной специфики политика, группы, участвующей в политике, используется с целью получения

Согласно принципу интерсекционализма, дифференцирующие категории класса, расы, гендера, этничности, национальной и цивилизационной принадлежности взаимодействуют друг с другом, создавая при этом систему социальной иерархии (Crenshaw 1991). На наш взгляд, к ним можно добавить и возрастную признак. Оппозиция «ребенок — взрослый» может быть рассмотрена как своеобразная матрица отношений власти и подчинения, отражающая существующие в обществе иерархии и поддерживающая их. Маркировка индивида или сообщества как ребенка (детей) означает демонстрацию их несамостоятельности и обоснование необходимости контроля над ними (Рябова, Рябов 2020). Этим объясняется использование метафоры детства при характеристике, например, колониальных народов для производства потестарных отношений. Однако старость также может служить маркером зависимости и неспособности эффективно управлять, особенно в условиях стремительно меняющегося мира, и тем самым — фактором, снижающим легитимность политического актора.

Таким образом, можно говорить об интерсекциональности, взаимовлиянии политического и возрастного дискурсов. Очевидно, подобно тому, как существует, скажем, политическая обусловленность этнических процессов и этническая обусловленность — политических (что позволяет выделять этнополологию в качестве субдисциплины политической науки), можно говорить и о политической обусловленности возраста и возрастной обусловленности — политических процессов и явлений.

Проблема «возраст и власть» уже получала освещение в рамках политической антропологии. Так, В. Бочаров показал, как категории возраста участвуют в выстраивании социальных отношений. Опираясь на идеи М. Фуко, он определяет возрастные номинации как микротехнику власти (Бочаров 2006). Возраст играет роль одного из ресурсов власти на протяжении всей истории человечества.

Отметим некоторые точки пересечения возраста и политики. Прежде всего подчеркнем, что власть распределяется неравномерно среди различных возрастных групп. Так, О. Крыштановская и Ю. Хуторянский отметили, как

преимуществ в политической борьбе (Рябова, Рябов 2019; Клещенко 2019). Так, частью политических мобилизационных практик становится символ детства, который политические акторы и оппозиции в разных странах в разные периоды истории используют как оружие в противостоянии друг другу (Пашковский 2019; Фролова 2020; Fournier 2015).

изменилась роль поколений в формировании постсоветской элиты (Крыштановская, Хуторянский 2002).

Далее необходимо принимать во внимание специфику политических предпочтений различных возрастных групп, что находит выражение, например, в электоральном поведении.

Кроме того, представители различных поколений нередко различаются с точки зрения степени и характера политического участия.

Затем политические решения власти могут приниматься в интересах одних возрастных групп в ущерб другим. В связи с этим у представителей различных поколений могут быть различные политические интересы.

Далее отмеченная специфика получает институциональное оформление в виде деятельности политических партий, организованных на основе возрастных различий (одним из примеров может служить «Партия пенсионеров» в России).

Наконец, образы, связанные с возрастом, широко привлекаются в символическую политику, включая такие ее формы, как легитимация и делегитимация власти, политика памяти, политика идентичности и др. При этом нередко используется приписывание политическим акторам качеств, ассоциируемых с детством или старостью, с целью получения преимуществ в политической борьбе, или же прямое уподобление их детям или старикам. Мы предлагаем рассматривать это как приемы символической борьбы и обозначать как «символическую инфантилизацию» и «символическую сенилизацию» соответственно (Riabova, Riabov 2020, 125).

Возраст молодости, зрелости и старости политиков: проблема доверия

В начале исследования требовалось уточнить, какой возраст россияне считают возрастом молодости, зрелости и старости, а также какие характеристики этих воображаемых поколений они рассматривают как атрибуты власти.

Большинство опрошенных отнесло к молодости период жизни человека от 18 до 30–35 лет (иногда этот период продлевали до 40–45 лет). Зрелость длится от 30–35 до 55–60 лет (некоторые называли предельным сроком зрелости возраст в 65 и даже 70 лет) и сменяется возрастом «старшим», «пожилым», «старым». В целом эта же классификация использовалась информантами и при оценке возраста политиков. Представители возрастной группы 18–30 лет, заметим, значительно чаще снижали границы

наступления старости — до 50, иногда и до 45 лет. Параметрами молодости, зрелости и старости для информантов выступали физиологическое, умственное, эмоциональное, социальное развитие человека. Зрелость обычно характеризовали как расцвет физических сил, жизненный опыт, эмоциональную стабильность, ответственность за окружающих, молодость — как процесс достижения зрелости во всех ее ипостасях, а старость — как постепенную утерю всех этих характеристик.

Большинство из тех качеств, которые обычно считаются атрибутами власти, информанты приписывали зрелости: ответственность, предсказуемость, трезвая оценка ситуации и своих сил, самообладание, объективность, рациональность, способность договариваться, умение работать в команде, критичность восприятия, компетентность, сила. Характерными преимущественно для молодости назвали такие качества, как способность к обучению, адаптации к изменяющимся обстоятельствам, способность предложить нестандартное решение, активность, настойчивость, амбициозность, решительность, бесстрашие в отстаивании позиции, с одной стороны, и максимализм, радикализм, отсутствие необходимого опыта, с другой. Старость наделялась, с одной стороны, опытом, способностью внушать доверие, заботой о соблюдении норм, с другой — ригидностью мышления, неспособностью предложить что-то новое. Ум и честность, по мнению большинства опрошенных, присущи практически в равной мере всем, независимо от их возраста. Мнения о качествах поколений были достаточно консолидированными (хотя информанты из Дагестана чаще наделяли старшие поколения опытом и мудростью, способностью договариваться, способностью предлагать нестандартные решения и, безоговорочно, способностью вызывать доверие). Молодежь и информанты старше 55 лет часто приписывали одновременно и своей возрастной группе те высоко ценимые ими качества, которые в целом они отождествляют со зрелостью (объективность, предсказуемость и т. д.).

Как эти представления о специфике возраста отражаются на уровне доверия к политикам и на оценке их эффективности? Опрошенные сочли возраст политика важным фактором, влияющим на уровень доверия к нему. Редкие голоса в пользу того, что возраст политика не играет роли в доверии власти, принадлежали опрашиваемым из группы «старше 55 лет». В подавляющем большинстве они отдали приоритет «зрелому поведению в политике». В качестве аргументов практически всегда

выступало то, что именно зрелости присущи те характеристики, которые являются и традиционными характеристиками власти. В ответ на просьбу определить, каким должен быть возрастной состав в российском правительстве, большинство информантов отдавали основную часть мест именно представителям среднего поколения.

Степень доверия к молодым политикам у информантов была ниже. Тем не менее практически каждый участник интервью подчеркнул неоспоримые преимущества, которые дает молодость политика, — гибкость мышления, свойственная молодежи, быстрота и смелость принятия ими решений, компетентность в новых технологиях, желание принести пользу, коммуникабельность — все то, что они отмечали как достоинства молодости в целом. Информанты отмечали и негативные черты молодых политиков (например, максимализм и недостаток опыта). Однако большинство полагало, что молодые политики должны присутствовать во власти, чтобы учиться и обеспечивать сменяемость поколений. Самые развернутые ответы о преимуществах молодежи в политике давали молодые, в том числе несовершеннолетние, информанты.

Мне кажется, что молодой человек может сломать какие-то «балки», которые «заржавели», или перестроить их, а человеку среднего и старшего возраста будет легче поддерживать их в нормальном состоянии (*Илья, 19 лет, сторонник либеральной идеологии*).

Что касается уровня доверия к политикам «старшего» возраста, то он оказался ниже. Тем не менее у этого поколения опрошенные видели важные преимущества — прежде всего, опыт, жизненную мудрость, стабильность.

Они опираются на свой опыт. И исходят из своего пройденного пути, своих ошибок. Молодые должны опираться на этот опыт. Опыт старых — это посох для молодого поколения. Страшно бросить, но нужно идти своей дорогой, опираясь на него (*Светлана Васильевна, 66 лет, сторонница коммунистической идеологии*).

Старшее поколение способно где-то притормозить и попробовать рассмотреть ситуацию с разных сторон, где-то задуматься, что-то более гибко сделать (*Анна, 46 лет, сторонница социалистической идеологии*).

Среди тех, кто доверяет старшим, практически не было молодых информантов, за исключением части молодых людей из Дагестана, ориентирующихся на свои культурные традиции («доверяю тем, у кого больше ответственности, а это зрелое и старшее поколение» (*Алхаз, 15 лет, политически индифферентный*)).

Все же значительно чаще информанты (в том числе и давно переступившие рубеж молодости) указывали на то, что старшее поколение уступает и политикам возраста зрелости, и молодым политикам. Объясняя свою позицию, информанты широко использовали оценки старости как периода утери человеком физических, интеллектуальных, эмоциональных кондиций. Потому опрошенные были практически едины в том, что обилие возрастных политиков снижает доверие к власти, и им пора уступать место молодым («но не совсем “сырым”, не 20-летним, а тем, кому старше 35–40 лет» (*Тамара Михайловна, 66 лет, сторонница действующей власти*)). Заметим, пятая часть опрошенных зафиксировала возрастной рубеж, после которого, по их мнению, политику уже не следует доверять, — 70 лет. Приведем типичное мнение информантки старшего поколения.

Старшее поколение не привыкло к инновациям, они идут по пройденному пути, как бы не поскользнуться, как бы не упасть. Старые не ошибаются и не исправляются. Если и ошибаются, то считают, что это не ошибка, а их шаг (*Светлана Васильевна, 66 лет, сторонница коммунистической идеологии*).

Молодежь, особенно несовершеннолетние, высказывала значительно более категоричные суждения.

Человеку пожилому я бы особо не доверял, потому что кто его знает, к чему он может привести, — ему-то уже все равно, он-то уже пожилой человек (*Григорий, 17 лет, сторонник либеральной идеологии*).

Характеризуя преимущества возраста политиков, информанты оценивали не только уровень собственного доверия к ним, но и уровень доверия к ним в обществе. Так, большинство молодых людей, независимо от пола и политических предпочтений, было убеждено в том, что не только они лично, но и молодежь в целом плохо относится к возрастным политикам («Однозначно плохо к ним относятся в обществе. Молодое поколение ждет глобальных перемен в нашей стране» (*Иван, 17 лет, сторонник дей-*

ствующей власти)). Часть информантов старшего возраста поддерживает эту позицию.

Нет, это не способствует доверию, особенно у молодежи. И даже у нас не способствует, потому что мы уже все посмотрели на этих политиков очень преклонного возраста (*Татьяна, 74 года, сторонница действующей власти*).

Доверие политику определяется в том числе его авторитетом, который, по мнению большинства опрошенных, связан с возрастом политика.

Тебе нужно преодолеть возрастной порог, чтобы у тебя этот авторитет появился. Как раз в 50–55 лет. Когда ты уже такой умудренный аксакал и пересидел всех, и все вокруг понимают, что раз ты пересидел тут всех, то к тебе уже больше прислушиваются (*Александр, 29 лет, нет политических предпочтений*).

Заметим, что среди тех, кто считал, что возраст добавляет политику авторитет, было больше информантов из Дагестана, которые, включая несовершеннолетних, подчеркивали, что это их традиция («В сфере политики возраст добавляет авторитет, человек старший по возрасту может упрекнуть младшего, [поскольку] он находится выше в иерархии» (*Нужат, 17 лет, сторонник действующей власти*)). Очень небольшая часть информантов (преимущественно сторонники либеральной идеологии и молодежь) настаивали, что авторитет политика характеризуется его действиями, а не возрастом.

Наконец, доверие к политику связано и с оценкой эффективности осуществления им властных полномочий. Возраст политика в этом случае оценивается по-разному в зависимости от сферы его компетенции. На международной арене отдают предпочтение старшим и зрелым политикам («Тут я бы старшему предпочтение отдал. Они эффективнее в силу опыта, в силу принятия ответственных и нужных решений» (*Олег Анатольевич, 66 лет, политически индифферентный*)).

Аргументом в пользу политиков из старшего поколения нередко видят и близость по возрасту к тем, кто в основном представлен на этом уровне.

Посмотрите на других на международной арене, там они возрастные... одни старики... так что лучше, чтобы [политик] был с ними более-менее на равных, а то не будут воспринимать всерьез (*Марина, 26 лет, сторонница социалистической идеологии*).

Что касается регионального уровня власти, то допускается возможность эффективной работы молодых политиков (тем более что им нужно набираться опыта). Следует особо подчеркнуть, что молодые информанты, оценивая эффективность политиков разных возрастов на ответственном посту, часто обозначали предельные возрастные границы для политиков довольно бескомпромиссно. Молодежь, в том числе и несовершеннолетние, в большинстве своем демонстрирует недоверие к «возрастным» политикам, полагая, что старшее поколение утрачивает как способность адекватно реагировать на происходящие изменения, так и необходимые физические и интеллектуальные кондиции.

В 55, мне кажется, ты не должен управлять страной, в которой ты не будешь жить... В 55–60 лет ты в целом не особо заинтересован будешь в развитии страны (*Александр, 29 лет, нет политических предпочтений*).

Я считаю, что после шестидесяти лет ни один политик не должен занимать свой пост, в шестьдесят лет — маразм у всех пожилых людей в какой-то степени будет проявляться (*Григорий, 17 лет, сторонник либеральной идеологии*).

Думаю, политики старшего возраста не могут продвинуть страну вперед, они не совсем понимают, куда движется страна, не совсем компетентны (*Кира, 17 лет, сторонница действующей власти*).

Несколько человек, сторонников власти и президента В. Путина, поддерживая эту позицию в целом, делали исключение для российского президента («Ему можно было верить, когда ему было и 40 лет, и 60 лет» (*Светлана, 45 лет, сторонница действующей власти*)).

Молодое и старшее поколения в политике: уровень доверия друг к другу

Фактор возраста включается в оценки политического поведения не только политиков, но и граждан. Концепты молодости, зрелости, старости используются, в частности, для оценки мотивов политического участия (см., например, об этом применительно к участию детей в протестном движении (Панкратова 2019)). Для нас было важно выяснить, можно ли оценить уровень доверия и недоверия их друг другу

в политической сфере, а также говорить о единении или разрыве молодежи и граждан старших возрастных групп в политике. Чтобы понять уровень доверия к старшему поколению, мы предложили информантам согласиться или не согласиться с предлагаемыми суждениями. Практически единодушную поддержку вызвало суждение о том, что убеждения зрелых людей и старшего поколения отличаются устойчивостью, в отличие от взглядов молодежи. При этом в отношении старшего поколения часть информантов подобную устойчивость интерпретировало как проявление косности, негибкости. Большая часть поддержала и суждение о том, что люди старше шестидесяти лет не критично мыслят, не хотят изменений. С тезисом о том, что старшее поколение, выросшее в СССР, боится репрессий власти, согласились лишь граждане с либеральными предпочтениями.

То чувство страха, которое было заложено и в молодости, и в зрелости, и даже историей нашей, конечно, сказывается. Может, по этой причине старшие поколения менее политически активны (*Алина, 56 лет, сторонница либеральной идеологии*).

Более любопытны данные, помогающие понять степень доверия или недоверия между различными возрастными группами. Предположение о том, что старшие поколения обманывают молодежь, не получило поддержки. Однако мнение о том, что несамостоятельной молодежью могут манипулировать старшие, получало поддержку достаточно часто, и не только среди молодых информантов.

Молодежь, по крайней мере, молодежь в политике — это просто люди, которых привели за ручку «большие дяди» и которые показали им шаблон поведения, которому они соответствуют, и говорят: «Ты будешь вести себя так и так, и через 5 лет ты будешь тем-то и тем-то» (*Александр, 29 лет, нет политических предпочтений*).

Информанты из различных возрастных групп полагают, что старшее поколение не доверяет молодежи («На молодое поколение как-то с опаской смотрят. У них ведь нет еще опыта. Руководить страной нужен опыт» (*Светлана Васильевна, 66 лет, сторонница коммунистической идеологии*)). Предлагается и другое объяснение меньшего доверия к молодежи: «Они видят в них конкурентов, другую силу. Поэтому

не доверяют» (*Мария, 40 лет, сторонница либеральной идеологии*).

При этом большинство информантов уверено также в том, что сама молодежь не доверяет старшему поколению, что проявляется и в отсутствии поддержки на выборах.

Нет, молодежь-то точно не доверяет. Потому что их не устраивает их жизнь, их возможности, у молодежи много претензий к власти (*Татьяна, 38 лет, нет политических предпочтений*).

Уровень доверия/недоверия между поколениями в политической сфере, пожалуй, иллюстрируют убеждения большинства опрошенных из всех групп, что при принятии решения на выборах граждане при прочих равных условиях делают выбор в пользу своей возрастной группы («Молодой выберет молодого. Близкого по возрасту» (*Олег Анатольевич, 66 лет, политически индифферентный*)). Особенно часто готовы голосовать за свою возрастную группу молодые информанты, подчеркивая близость идей или образа жизни.

Потому что и я отношусь к этому возрасту, и думаю, что политик моего возраста, он... лучше способен понять мои проблемы. Потому я бы голосовала за политика моего возраста... доверяют тому, кто на тебя похож. В целом так (*Марина, 26 лет, сторонница социалистической идеологии*).

Наверное, выберу более молодого. Просто потому что я более молодой. И мне понятнее мысли и образы, которые есть у молодого политика, чем у того, кто еще был при Советском Союзе и в коммунистической партии состоял (*Александр, 29 лет, нет политических предпочтений*).

Мы спросили, насколько распространено среди молодежи мнение, что «старики» являются неразумными, отсталыми, ответственными за все плохое в стране и поэтому должны уступить дорогу молодым. Большинство молодых информантов, в том числе и несовершеннолетние, были убеждены, что молодежь занимает именно такую позицию. Люди среднего и старшего возраста констатируют, что такое мнение среди молодежи достаточно распространено.

Информанты оценивали и то, насколько терпимы друг к другу в своем политическом поведении молодежь и люди зрелого и старше-

го возраста. Лишь некоторые сказали, что возраст не имеет значения. Молодые участники интервью сочли более терпимыми людей зрелого и старшего возраста.

Молодежь действительно винит старшее поколение во всех бедах. Старшее поколение в отношении митингов, протестов относится больше с сочувствием, с сопереживанием к молодому поколению (Александр, 31 год, сторонник коммунистической идеологии).

Старший более терпим к поведению молодого. Я вижу нетерпимость молодого поколения (Иван, 17 лет, сторонник действующей власти).

Информанты всех возрастных групп отмечают необходимость обеспечения преемственности поколений, видят у них общее («вечные ценности», семья, менталитет, патриотизм). Однако на вопрос о том, за счет чего можно это единство укрепить, давались в основном формальные ответы («превращение России в процветающую страну», «воспитание молодежи специальными программами» и т. д.).

Заключение

Подведем итоги. Возрастной фактор служит одним из ресурсов власти. Возраст оказывает влияние на политические интересы, политические предпочтения, политическое участие. Маркировка политических акторов при помощи возрастных характеристик является одним из приемов символической борьбы. В свою очередь, деятельность политических акторов воздействует как на реальные условия жизни различных поколений, так и на представления о пре-

имуществах и недостатках представителей той или иной возрастной группы.

Как показал анализ проведенных интервью, возраст политика является важным фактором, влияющим на уровень доверия к нему / к ней. Информанты оценивают преимущества, которые дает политикам их принадлежность к различным возрастным группам, наделяя их в различной степени характеристиками, являющимися атрибутами власти.

В подавляющем большинстве приоритет отдается возрасту зрелости с его объективностью, ответственностью, трезвым взглядом на вещи, способностью договариваться, работой на результат и т. д. Степень доверия к молодым политикам и еще в большей степени — к политикам «старшего» возраста значительно ниже.

Фактор возраста включается в оценки участвующих в политическом процессе различных поколений. Исследование показало невысокий уровень доверия между молодежью и старшим поколением.

Мнение россиян практически не зависело от их пола и образования. При оценке ряда вопросов оказались важными политические предпочтения и этнокультурные традиции россиян. Важнейшим фактором, дифференцирующим взгляды, выступил возраст. Молодежь, в том числе и несовершеннолетние, в большинстве своем демонстрирует недоверие к «возрастным» политикам, полагая, что старшее поколение утрачивает как способность адекватно реагировать на происходящие изменения, так и необходимые физические и интеллектуальные кондиции. Тем не менее представители и старшего, и младшего поколений говорят о необходимости поиска компромисса и обеспечения преемственности поколений.

Литература

- Бочаров, В. В. (2006) Власть и возраст. В кн.: В. В. Бочаров (ред.). *Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. Т. 1. Власть в антропологическом дискурсе*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, с. 351–357.
- Готов, М. Б. (2004) Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, № 10 (246), с. 42–49.
- Дубин, Б. В. (2002) Поколение: социологические границы понятия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 2 (58), с. 11–15.
- Клещенко, Л. Л. (2019) Репрезентация образа детства в либеральных СМИ современной России. *Комплексные исследования детства*, т. 1, № 4, с. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319>
- Крыштановская, О. В., Хуторянский, Ю. В. (2002) Элита и возраст: путь наверх. *Социологические исследования*, № 4, с. 42–59.
- Панкратова, Е. В. (2019) Взгляд россиян на политическое участие детей (по материалам социологического исследования). В кн.: С. В. Ровбель, С. А. Ильиных (ред.). *Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: Материалы II Сибирского социологического форума с международным участием*. Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, с. 96–101.

- Пашковский, Е. А. (2019) Защита детства в программах российских и польских парламентских партий. В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 62–66.
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>
- Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике. *Женщина в российском обществе*, № 4, с. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1>
- Фролова, Ю. Н. (2020) Образы молодости и старости в политической борьбе испанских партий. В кн.: О. В. Гаман-Голутвина, Л. В. Сморгун, Л. Н. Тимофеева (ред.). *Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. Материалы Ежегодной всероссийской научной конференции с международным участием РАПН'2020, Москва, МПГУ, 27–28 ноября 2020 г.* М.: Изд-во МПГУ, с. 553.
- Crenshaw, K. W. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*, vol. 43, no. 6, pp. 1241–1299.
- Fournier, A. (2015) Immature publics: Democratic revolutions and youth activists in the eye of authority. *Anthropological Quarterly*, vol. 88, no. 1, pp. 37–66. <https://www.doi.org/10.1353/anq.2015.0000>
- Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilization of the Other: Metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149.

References

- Bocharov, V. V. (2006) Vlast' i vozrast [Power and age]. In: V. V. Bocharov (ed.). *Antropologiya vlasti: v 2 t. T. 1. Vlast' v antropologicheskom diskurse [Anthropology of power: In 2 vols. Vol. 1. Power in anthropological discourse]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 351–357. (In Russian)
- Crenshaw, K. W. (1991) Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color. *Stanford Law Review*, vol. 43, no. 6, pp. 1241–1299. (In English)
- Dubin, B. V. (2002) Pokolenie: sotsiologicheskie granitsy ponyatiya [Generation: Sociological boundaries of the concept]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, no. 2 (58), pp. 11–15. (In Russian)
- Glotov, M. B. (2004) Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a category of sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 10 (246), pp. 42–49. (In Russian)
- Fournier, A. (2015) Immature publics: Democratic revolutions and youth activists in the eye of authority. *Anthropological Quarterly*, vol. 88, no. 1, pp. 37–66. <https://www.doi.org/10.1353/anq.2015.0000> (In English)
- Frolova, Yu. N. (2020) Obrazy molodosti i starosti v politicheskoi bor'be ispanskikh partij [Images of the youth and old age in the political struggle of Spanish political parties]. In: O. V. Gaman-Goluvina, L. V. Smorgunov, L. N. Timofeeva (eds.). *Politicheskoe predstavitel'stvo i publichnaya vlast': transformatsionnye vyzovy i perspektivy. Materialy Ezhegodnoj vserossijskoj nauchnoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem RAPN'2020, Moskva, MPGU, 27–28 noyabrya 2020 g. [Political representation and public power: Transformational challenges and prospects. Proceedings of the Annual All-Russian Scientific Conference with International Participation RAPN'2020, Moscow, Moscow State Pedagogical University, 27–28 November, 2020]*. Moscow: Moscow State Pedagogical University Publ., p. 553. (In Russian)
- Kleshchenko, L. L. (2019) Rezentatsiya obraza detstva v liberal'nykh SMI sovremennoj Rossii [Representations of the image of childhood in the liberal media in modern Russia]. *Kompleksnye issledovaniya detstva — Comprehensive Child Studies*, vol. 1, no. 4, pp. 312–319. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-4-312-319> (In Russian)
- Kryshantovskaya, O. V., Khutorianskii, Yu. V. (2002). Elita i vozrast: put' naverkh [Elite and age: A way up]. *Sotsiologicheskie issledovaniya — Sociological Studies*, no. 4, pp. 42–59 (In Russian)
- Pankratova, E. V. (2019) Vzglyad rossiyan na politicheskoe uchastie detej (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Russians' view of the political participation of children (based on the materials of a sociological survey)]. In: S. V. Rovbel', S. A. Il'nykh (eds.). *Sotsial'nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sotsiologii: Materialy II Sibirskogo sotsiologicheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Social practices and management: The problem field of sociology: Proceedings of II Siberian sociological forum with international participation]*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., pp. 96–101. (In Russian)
- Pashkovskiy, E. A. (2019) Zashchita detstva v programmakh rossiiskikh i pol'skikh parlamentskikh partiy [The defense of the childhood in the programs of Russian and Polish parliamentary parties]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoy vojny k sovremennosti. Tезисы nauchnoy konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 62–66. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simvolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)

- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2020) “...Slyshu rech’ ne mal’chika, no muzha”: o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike [“Not a boy, but a man”: On the gender-age stereotypes in politics]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1> (In Russian)
- Riabova, T., Riabov, D. (2020) Infantilization of the Other: Metaphor of childhood in Russia’s media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149. (In English)